

ДИССИММЕТРИЯ ФРАЗЕОСФЕРЫ ДРУЖЕСКОГО ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА ПУШКИНСКОЙ ПОРЫ

Статья посвящена анализу реализации дискурсивного свойства гипержанра дружеского письма – диссимметрии. В работе предлагается определение диссимметрии как свойства дискурсивного гипержанра, рассматривается фразеологическая диссимметрия, выявляются условия ее реализации и уровни проявления в дружеских письмах пушкинской поры.

Ключевые слова: дискурс; диссимметрия; дружеское письмо; фразеологизм.

В последнее время в науке особенно обострился интерес к таким, казалось бы, устоявшимся понятиям, как «симметрия», «асимметрия» и «диссимметрия». «Симметрию принято рассматривать не только как основополагающую категорию научного знания, устанавливающую внутренние связи между системами, теориями, законами и понятиями, но и относить ее к атрибутам материи таким же фундаментальным, как пространство, время, движение» [1. С. 8]. Сущность симметрии традиционно понималась как признак полноты, гармонии и совершенства, как «уравновешенность отдельных частей объекта, которая объединяет их в единое целое» [1. С. 9]. Сегодня в различных научных направлениях разрабатываются теории и концепции, связанные с понятием симметрии, а само оно постоянно дополняется и расширяется. Мы не будем рассматривать расхождения в трактовке термина, поскольку для нас важны общие характеристики анализируемого феномена. Во-первых, это связь симметрии с явлением *инварианта*, и, во-вторых, как отмечает А.В. Жуков, «какой бы теории мы не придерживались, одно остается обязательным: нельзя рассматривать симметрию без ее антипода – диссимметрии. В симметрии отображается та сторона явлений, которая соответствует покою, а в диссимметрии – та их сторона, которая отвечает движению» [2. С. 98]. Если симметрия – гармоничное, пропорциональное сочетание частей целого, то диссимметрия – это «отсутствие или выпадение каких-либо элементов симметрии» [1. С. 43]. При этом диссимметрия выступает как «динамический аспект познания сущности явлений, которые приходят на смену симметрии <...> каждый раз, когда обнаруживается необходимость изучения динамики» [1. С. 62].

Современная лингвистика успешно оперирует термином «асимметрия», представляющим только один аспект диссимметрии (ее крайнюю форму).

Под асимметрией в языке понимается «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц, отражающее одну из основных особенностей строения и функционирования естественного языка» [3. С. 47]. В таком рассмотрении специфики асимметрии утрачивается очень важный *динамический* аспект, поэтому мы склонны использовать при описании особенностей эпистолярного дискурса термин «диссимметрия», сохраняя две его важные составляющие: временную и вариативную (если отталкиваться от связи симметрии и инвариантности). В нашем понимании *диссимметрия* дружеского эпистолярного дискурса первой трети XIX столетия проявляется в *вариативности формы и содержания дискурса, связанной с разрушением сложившихся ранее эпистолярных традиций и восприни-*

мающейся как функционально-значимая аномалия в период формирования новых эпистолярных форм. Диссимметрия как свойство дискурса будет проявляться каждый раз при смене традиции речевого жанра (как это было в начале XIX в., как это происходит сейчас, в период разрушения дружеского письма и формирования электронной переписки).

В дружеском письме анализируемой нами поры аномально использование практически всех элементов эпистолярия, в том числе и фразеологизмов.

К проблеме асимметрии во фразеологической системе первым обратился в своих работах В.Г. Гак. Именно он, как отмечает Н.Н. Кириллова, раскрыл суть данного явления и указал на специфику фразеологической единицы: фразеологическая единица представляет собой совмещение двух типов асимметрии – синтагматической и парадигматической [4]. В.Г. Гак выделил три типа асимметрии: асимметрия системы, асимметрия структуры (отношения означающего и означаемого) и асимметрия употребления. Асимметрия системы проявляется в неодинаковой развитости звеньев языковой системы там, где можно было бы ожидать подобия. Асимметрия структуры проявляется в расхождении означающего и означаемого. Функциональная асимметрия формы и содержания проявляется в том, что в речи одна и та же функция может быть выражена различными формами и одна и та же форма может использоваться в различных функциях [5. С. 54–59].

Помимо асимметрии фразеологических единиц, исследователь говорил об асимметрии фразеологической системы в целом. «Асимметрия на уровне системы во фразеологии, так же как и в лексике, заключается в неравномерно развитых ее подразделениях» [6. С. 113].

Некоторые наблюдения, связанные с особенностями фразеологической асимметрии, осуществил в своих работах А.В. Кунин: «...фразеологическая микросистема не является жесткой, симметричной во всех своих звеньях. Асимметрия – это отсутствие полной регулярности и единообразия в языковой системе, являющееся ее онтологическим свойством. <...> Асимметрия в сфере фразеологии – частное проявление асимметрии языковой системы, ее неотъемлемый атрибут» [7. С. 127–128].

Приведенные концепции рассматривают асимметрию как «отступление от упорядоченности, регулярности, единообразия в строении и функционировании языковых единиц» [3. С. 47], и в действительности анализируемый феномен правильнее было бы назвать не асимметрией, а диссимметрией языковой системы и языкового знака (поскольку асимметрия – это *крайняя* форма проявления диссимметрии систем). Однако мы не будем изменять сложившейся традиции, а обратимся к изучению особенностей диссимметрии, опираясь на

два обозначенных нами выше признака – вариантность и динамичность.

Говорить о диссимметрии можно лишь в том случае, когда языковые средства (например, фразеологизмы) используются не столько для обозначения предметов и явлений мира и не в смысле общепринятых конвенций, т.е. не в смысле обозначения, а в смысле выражения: тогда, когда нарушаются общепринятые стереотипы использования фразеологизмов в речи, когда расширяются коммуникативные возможности фразеологических единиц. А значит, мы можем говорить исключительно о диссимметрии функционирования (функциональной диссимметрии).

Нам представляется, что функциональная диссимметрия реализуется при наличии некоторых обязательных условий.

Во-первых, дискурс, в рамках которого используется фразеологическая единица, должен быть четко организован, чтобы «создавать иллюзию другой действительности, а не пустоты или абсурда» [8]. Дружеский эпистолярный – сложный дискурсивный гипержанр. Он имеет письменную форму, претендуя при этом на «разговорность», спонтанность и диалогичность. Таким образом, создается иллюзия дружеской беседы, несмотря на то что письмо монологично по форме. Четкая организация эпистолярного потенциальна. Она воспринимается как должное, но при этом *сознательно* нарушается коммуникантами. Отталкиваясь от законов оформления дружеских писем и намеренно пренебрегая ими, авторы эпистолярных создают новую «бесструктурную» структуру письма, в котором отсутствие каждого элемента формы значимо (например, значимо отсутствие речевого жанра (РЖ) приветствия, позволяющее сохранить непринужденность, неофициальность общения; значимо отсутствие РЖ обращения, передающее спонтанность, неподготовленность взаимодействия и т.п.).

Во-вторых, сам дискурсивный гипержанр должен быть динамичным, способным воспринимать вводимые изменения гармонично не только на уровне формы, но и на уровне содержания. В противном случае отдельные примеры проявления диссимметрии будут восприниматься как чужеродные элементы и отторгаться коммуникантами. Об этой способности свидетельствует такое дискурсивное свойство эпистолярного, как креативность. *Креативность эпистолярного дискурса – это его свойство усваивать, гармонично соединять и использовать продукты речетворческой деятельности разных языковых личностей. При этом речетворческая деятельность основывается на отклонении от речевых стереотипов определенного типа дискурса, а ее продукты, проявляясь на уровне формы и содержания, постепенно становятся традиционными (нормированными) в данном национально-временном дискурсивном пространстве* [9].

В-третьих, каждый из участников речевого взаимодействия (и автор, и адресат) должен быть способным не только на восприятие и понимание происходящих изменений в сфере формы и содержания дискурсивного гипержанра, но и соответственно реагировать на них, активно включаясь в процесс преобразований. При этом закономерности преобразований могут быть

(и должны быть) общими, поскольку коммуникантами нарушаются одни и те же законы функционирования гипержанра. Однако нельзя забывать, что творческая деятельность каждой отдельно взятой языковой личности специфична, имеет свои особенности и свои конкретные креативные приемы, создающие новую *речевую* действительность. На этом уровне выявляется способность автора и адресата конструировать «мир через свой язык» [8].

Итак, диссимметрия возможна при сознательном отказе от шаблонов общения, при активном участии коммуникантов в динамических процессах, создающих вариантность в структуре и в содержании дискурса, и при способности самого дискурса гармонично перерабатывать и усваивать результаты речевой деятельности участников взаимодействия.

Рассмотрим, как проявляется диссимметрия в сфере эпистолярной фразеологии. Анализ целесообразно проводить на *двух уровнях*. *Первый уровень* – диссимметрия в использовании фразеологических единиц различными авторами. В этом аспекте феномен диссимметрии теснейшим образом связан с особенностями языковой личности каждого из создателей эпистолярного дискурса, с уровнем коммуникативной компетентности автора и адресата (способного воспринимать проявления диссимметрии).

При общем соблюдении закономерностей функционирования единиц языка в речи каждый из авторов характеризуется своими особенностями использования ФЕ в письмах.

Прежде всего это проявляется в количестве и частоте употребления фразеологических единиц в письмах (табл. 1).

Таблица 1
Частота употреблений ФЕ семантико-грамматических классов
в письмах разных авторов, %

Семантико-грамматический класс ФЕ	А.С. Пушкин	А.С. Грибоедов	Н.М. Языков	И.И. Пущин	Е.А. Боратынский	А.А. Дельвиг	Общее кол-во ФЕ
Процессуальный	9,7	11,9	8,1	10,4	11	20	10,5
Качественно-обстоятельный	31	33,2	27	38,5	30,6	32,7	32,6
Призначный	8,6	6,9	6,4	6,3	7,6	4,8	6,9
Модальный	26,3	17,6	28,3	26,6	26,7	27,6	26
Грамматический	20,6	24,8	27,5	16,8	20,8	13,1	20,8
Предметный	2,8	5	2,5	1,2	3,1	1,2	2,6
Количественный	1	0,6	0,2	0,2	0,2	0,6	0,6

Средние процентные показатели употребления фразеологизмов различных семантико-грамматических классов приблизительно совпадают в письмах разных авторов. Однако отличия, тем не менее, наблюдаются. Преобладающий класс качественно-обстоятельного фразеологии не одинаково значим в эпистолярной Н.М. Языкова и И.И. Пущина. Важность грамматиче-

Таблица 2

Показатель уровня «фразеологической окказиональности»
в письмах разных авторов

Показатель	А.С. Пушкин	А.С. Грибоедов	Н.М. Языков	И.И. Пущин	Е.А. Боратынский	А.А. Дельвиг
Общее число употреблений фразеологизмов в письмах	1441	404	740	1230	257	168
Количество «окказиональных» фразеологических контекстов	110	14	38	58	10	10
Процентный показатель уровня «окказиональности» эпистолярного наследия	7,6	3,5	5,1	4,7	3,9	6

ской фразеологии определяется процентными показателями, колеблющимися в пределах от 27,5% (в письмах Н.М. Языкова) до 13,1% (в письмах А.А. Дельвига). Процессуальные фразеологизмы используются в письмах с различной частотой (от 8,1% у Н.М. Языкова до 20% у А.А. Дельвига). Модальная фразеология менее частотна в письмах А.С. Грибоедова (17,6%), в то время как в письмах Н.М. Языкова она употребляется чаще (28,3%). Нельзя говорить о том, что эти различия носят крайний, принципиальный характер. Именно поэтому мы не можем говорить об асимметрии в распределении фразеологизмов различных семантико-грамматических классов в письмах. Перед нами типичный пример диссимметричного распределения ФЕ – неравномерного, но не принципиально отличного от общеязыкового. Такая диссимметрия функционально значима. Процессуальные фразеологизмы придают повествованию большую динамичность (в письмах А.А. Дельвига), ФЕ, соотносимые со служебными частями речи, выполняют связующую функцию, служат для выражения различных семантических отношений, более значимых в письмах Н.М. Языкова. Качественно-обстоятельная фразеология позволяет акцентировать внимание на особенностях протекания событий, интересующих автора и адресата (в письмах И.И. Пущина). Преобладание модальной фразеологии дает возможность сделать повествование более эмоциональным, выразить эмоциональное отношение и субъективную оценку автора к предмету речи (в письмах Н.М. Языкова).

Специфично проявление диссимметрии в сфере окказиональной фразеологии. Из общего числа употреблений окказиональному преобразованию подвергаются не все. Приведем статистические данные по соотношению в письмах каждого из авторов общего количества функционирующих фразеологизмов и «окказиональных» фразеологических контекстов.

Как видно из табл. 1, уровень «окказиональности» в сфере фразеологии в письмах, принадлежащих перу разных авторов, не совпадает. Наиболее подвержена окказиональным изменениям фразеология А.С. Пушкина (7,6%), А.А. Дельвига (6%) и Н.М. Языкова (5,1%) (при среднем процентном показателе 5,1). Но писем, в которых совершенно не было бы фразеологических окказионализмов, нет (это свидетельство в пользу диссимметрии функционирования ФЕ).

Характер окказиональных преобразований в эпистолярной, безусловно, различен. Так, собственно окказиональных фразеологизмов в письмах немного, как немного и окказиональных фразеологических вариантов, созданных на базе уже существующих фразеологических единиц. Обратимся к анализу использования отдельных наиболее ярких приемов окказионального преобразования в письмах разных авторов (табл. 3).

Таблица 3

Показатели использования разных способов
окказионального преобразования ФЕ в письмах разных авторов

Показатель	А.С. Пушкин	А.С. Грибоедов	Н.М. Языков	И.И. Пущин	Е.А. Боратынский	А.А. Дельвиг
Показатели уровня «окказиональности» эпистолярного наследия	110 (7,6%)	14 (3,5%)	38 (5,1%)	58 (4,7%)	10 (3,9%)	10 (6%)
Создание собственно окказиональных ФЕ	4 (3,6%)	3 (21%)	3 (7,9%)	6 (10,3%)	–	–
Создание новых устойчивых сочетаний по аналогии с узуальными ФЕ	5 (4,5%)	1 (7,2%)	2 (5,3%)	4 (6,9%)	–	1 (10%)
Замена одного из компонентов ФЕ	15 (13,6%)	3 (21%)	7 (18,4%)	13 (22,4%)	1 (10%)	1 (10%)
Фразеологическое развертывание	13 (11,8%)	–	2 (5,3%)	6 (10,3%)	–	2 (20%)
Дефразеологизация	8 (7,2%)	–	1 (2,6%)	–	–	1 (10%)
Эллиптирование	4 (3,6%)	1 (7,2%)	1 (2,6%)	4 (6,9%)	1 (10%)	1 (10%)
Переосмысление значения узуальной ФЕ	3 (2,7%)	–	3 (7,9%)	3 (5,2%)	–	–
Инверсия	30 (27,7%)	2 (14,3%)	10 (26,3%)	15 (25,9%)	2 (20%)	–

У большинства авторов на первый план выступает инверсия (самый высокий процентный показатель из всех приемов фразеологического преобразования). Однако, например, А.С. Грибоедов в своих письмах активнее использует создание новых окказиональных ФЕ и замену компонента узуального фразеологизма. Эти приемы преобразования являются более яркими,

более конструктивными и свидетельствуют об очень высокой потребности автора высказаться так, чтобы его переживания и мысли стали понятны собеседнику. Возможно, частично это объясняется тем, что А.С. Грибоедов часть своей жизни провел за границей без друзей и близких. Именно поэтому так высока потребность в передаче эмоциональных переживаний и

размышлений адресату. Близок грибоедовским письмам в этом аспекте дружеский эпистолярный И.И. Пущина. И хотя инверсия как способ преобразования ФЕ в его эпистолярных текстах используется чаще всего, тем не менее высокими остаются показатели функционирования замены компонентов фразеологизмов и создание новых ФЕ, в языке не зафиксированных. И.И. Пущин основную часть своей жизни провел в сибирской ссылке, лишенный на долгие десятилетия возможности видеться с родными и друзьями. Вероятно, этот фактор оказывается значимым при выборе речевых средств эпистолярного общения и приемов окказионального преобразования фразеологизмов.

Примеры функциональной диссимметрии, обусловленной особенностями языковой личности автора, можно наблюдать при анализе использования устаревшей фразеологии разными авторами.

Мы предлагаем для выявления роли устаревшей фразеологии в формировании идиостиля автора письма, определить «удельный вес» устаревших ФЕ среди общего числа функционирующих в эпистолярных текстах фразеологизмов. Представим полученные результаты в табл. 4.

Таблица 4

Употребление устаревшей фразеологии в письмах разных авторов в соотношении с общим числом функционирующих в их эпистолярных текстах ФЕ

Автор	Общее количество ФЕ в текстах писем и их употреблений	Количество устаревших ФЕ	Частота употреблений устаревших ФЕ
А.С. Пушкин	458 (1441)	38 (8,2%)	86 (5,9%)
И.И. Пущин	376 (1230)	34 (9%)	77 (6,3%)
А.С. Грибоедов	225 (404)	23 (10%)	33 (8%)
Н.М. Языков	287 (740)	23 (8%)	47 (6,4%)
А.А. Дельвиг	114 (168)	8 (7%)	8 (4,8%)
Е.А. Боратынский	155 (257)	5 (3,2%)	5 (1,9%)

Табличные данные свидетельствуют о том, что в эпистолярной отдельности авторов устаревшая фразеология функционирует по-разному. В письмах Е.А. Боратынского ее удельный вес чрезвычайно мал. Письма А.С. Грибоедова отличаются более высокой частотой использования устаревших ФЕ. Менее насыщены устаревшей фразеологией письма И.И. Пущина, Н.М. Языкова и А.С. Пушкина. (Однако необходимо учитывать тот факт, что письма И.И. Пущина в процессе подготовки к публикации подверглись литературной правке и в них не отражены устаревшие орфографические варианты.)

С одной стороны, функционирование устаревших ФЕ – это показатель особенностей авторского стиля, черт языковой личности автора и адресата. С другой – использование устаревшей фразеологии обусловлено общезыковыми тенденциями. Языковая система характеризуется динамичностью, и перед нами одна из форм ее проявления.

Во всех рассмотренных случаях возможность реализации диссимметрии в эпистолярном дискурсе возникает благодаря самой специфике эпистолярного письма.

объясняется вариативностью эпистолярного гипержанра, которая, в свою очередь, связана со способностью эпистолярного пушкинской поры гармонично воспринимать предлагаемые на содержательном и формальном уровнях изменения. Эти изменения становятся специфической особенностью дружеских писем изучаемого периода.

Второй уровень проявления диссимметрии определяется не столько особенностями языковой личности создателя эпистолярного письма, сколько спецификой самого дружеского письма. Рассматривая эпистолярный как *дискурсивный* гипержанр, необходимо помнить, что дружеский эпистолярный дискурс – не результат, а процесс речевого поведения, а значит, формальная сторона эпистолярного письма создается, как мы уже отмечали, в процессе дискурсивного развертывания. Такая особенность письма дает возможность автору конструировать не только форму дискурса, но и наполнять его содержанием, исходя из собственных коммуникативных целей и установок, уровня коммуникативной компетентности и т.п. Содержание дискурсивного эпистолярного общения во многом определялось эпистолярной традицией первой трети XIX в., связанной с «публичностью» дружеских писем. Каждый автор знал, что письмо прочтут не только непосредственный адресат, но и его ближайшее окружение и, в глобальном масштабе, текст будет известен потомкам. Поэтому часть информации подвергалась «кодированию» и была доступна для понимания исключительно непосредственному адресату. Кроме того, во времена А.С. Пушкина почтовая корреспонденция вскрывалась государственными чиновниками, что понижало степень искренности авторского изложения, заставляло авторов «скрывать», прятать в подтекст часть информации. Для подобной «кодировки» фразеологизмы подходили как никакой другой речевой материал, поскольку именно во фразеологических единицах наблюдается несовпадение плана содержания и плана выражения (языковая асимметрия). Поэтому фразеология становилась средством выражения амфиболии. (Амфиболия – «фигура речи, состоящая в таком употреблении слов (фразеологизмов. – О.Ф.), которое допускает два различных <...> толкования» [10. С. 43]. Основная причина этого явления в том, что коммуниканты эпистолярного дискурса могут оперировать понятиями с расплывчатыми границами, хотя и с четким ядром. Границы значения фразеологизма размываются в умело подобранном контексте. Создается двусмысленность, которая позволяет обозначать словесно любой объект, который необходимо скрыть от посторонних глаз «незваного» коммуниканта.

Амфиболия, по мнению ученых, присуща основной массе речевых произведений. «В русле концепций современной коммуникативной лингвистики и идей интерпретационизма исследователями все отчетливее осознается мысль о закономерной неоднозначности высказывания (текста), и речевые произведения, двусмысленные реально или обладающие таковым потенциалом, оцениваются не как речевая периферия, но, напротив, регулярное явление, свойственное текстам различных стилей и жанров» [11. С. 294].

Потенциалом амфиболического функционирования и смысловой вариативностью, реализующейся в процессе восприятия и семантизации, фразеологизмы об-

ладают в полной мере. «В основе этого явления лежит системно-языковой фактор и, в первую очередь, свойство асимметрии, характеризующее единицы всех уровней языка» [11. С. 298].

К примерам реализации амфиболического потенциала в дружеском эпистолярном дискурсе пушкинской поры может являться «семантика намеков» как одна из особенностей эпистолярия. В сфере фразеологии средством реализации амфиболии являются авторские модификации фразеологизмов (дефразеологизация и фразеологическое развертывание). Прокомментируем некоторые примеры.

Оживление «подтекста» фразеологизма в редких случаях может быть реализовано за счет появления в составе ФЕ дополнительного компонента: *Жду и не дождусь появления в свет ваших стихов* (А.С. Пушкин А.А. Дельвигу, 16 ноября 1823 г.). В приведенном контексте союз дает возможность буквализировать значения компонентов фразеологизма, воспринимать их как слова в свободном употреблении. В письме накладываются друг на друга два смысла: «жду с нетерпением» и «никогда не дождусь». Акцент автором делается на «нерезультативности» ожидания и предназначен он для передачи собеседнику одновременно высокой степени эмоционального напряжения в процессе ожидания «стихов» и боязнью невозможности достижения конечно результата, что актуализирует коннотативные семы в структуре фразеологического значения.

Когда увижу ее, опишу ее тебе с ног до головы: думаю, что и то и другое дела важные в быту супружеском (Н.М. Языков П.М. Языкову, 25 февраля 1831 г.). ФЕ С НОГ ДО ГОЛОВЫ в узусе имеет значение «целиком, полностью». В контексте значение фразеологизма буквализируется за счет введения местоимений ТО и ДРУГОЕ (т.е. и ГОЛОВА и НОГИ). В результате актуализируются денотативные семы значения, появля-

ется дополнительная периферийная сема – «каждая деталь». Значение фразеологизма, исходя из контекста, можно уточнить – «полностью, не упуская ни одной детали» (примеров окказионального преобразования фразеологизмов в эпистолярном дискурсе достаточно много [12]).

Определяющим фактором при формировании и проявлении диссимметрии в эпистолярном дискурсе становится сама природа эпистолярия. Диссимметрия свойственна тем дискурсивным отрезкам человеческого взаимодействия, которые не являются ни чистой формой бытового общения, ни «чистыми» креативными формами.

Диссимметричный текст порождает собственный язык, функционирующий автономно от реальных действий и событий. Частным случаем диссимметрии становится «конструирование мира через свой язык» [8]. В нашем случае это язык, характеризующий не объективную действительность, а отражающий субъективную реальность внутреннего мира автора и, в некоторой степени, адресата письма. Точнее, это язык, рожденный переживаемым внутренним состоянием адресанта и его представлением о внутреннем потенциале адресата (ожидаемой, прогнозируемой реакцией на информацию, сообщаемую в письме). Фразеологизмы в этом аспекте являются одним из самых универсальных средств реализации «авторского» языка.

«Тотальная» диссимметрия дружеского письма, в том числе эпистолярной фразеосферы, тем не менее, не разрушила его как речевой жанр. Это обусловлено определенными внутренними свойствами диссимметрии, поскольку формирование инварианта, становящегося традицией (нормой), связано «с преобразованиями, в которых обнаруживается особый, неизвестный ранее тип симметрии» [13. С. 188], новая эпистолярная форма, новый речевой гипержанр дружеского письма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопян И.Д. Симметрия и асимметрия в познании. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980. 130 с.
2. Сонин А.С. Постигание совершенства: (симметрия, асимметрия, диссимметрия и антисимметрия). М.: Знание, 1987. 208 с.
3. Гак В.Г. Асимметрия // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 47.
4. Кириллова Н.Н. В.Г. Гак – теоретик фразеологии // Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака. М.: ЛЕНАНД, 2007. С. 426–432.
5. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2004. 862 с.
6. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 763 с.
7. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005. 488 с.
8. Шатин Ю.В. Языковая диссимметрия и Винни-Пух. Режим доступа: <http://kataklizmi.narod.ru/na4om/best301.htm>
9. Фесенко О.П. Дружеский эпистолярный дискурс пушкинской поры. Омск: Изд-во ОмЭИ, 2008.
10. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
11. Ким Л.Г. Асимметрия языкового знака как потенциал амфиболического функционирования речевого произведения // Системное и асистемное в языке и речи: Материалы Междунар. науч. конф. / Под ред. М.Б. Ташлыковой. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2007. С. 294–299.
12. Фесенко О.П. Способы авторского преобразования фразеологических единиц в текстах дружеских писем первой половины XIX века // Исследовательская работа ученых Омского экономического института: проблемы и пути их решения: Сб. науч. тр. докторантов, аспирантов и соискателей ученой степени канд. наук. Омск: Изд-во Омского эконом. ин-та, 2006. С. 112–116.
13. Овчинников Н.Ф. Асимметрия // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. С. 188.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 3 декабря 2008 г.